

Владимир СЕЧИНСКИ

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИЯ

Если согласиться, что основное отличие тоталитарной системы правления от авторитарной заключается не в степени терроров, практикуемых обеими системами, а в наличии или отсутствии частной собственности, то и при достаточно поверхностном изучении тоталитарных – и даже прототалитарных – систем прошлого становится очевидно: по причине своей экономической несостоятельности они неизменно приводили страну, где существовали, к краху в деле военного строительства.

Все иные показатели были бы второстепенными для государств этого типа, поскольку такие государства обладали или целеустремленно пытались обрести в своих странах ничем не ограниченную власть над всеми сферами жизни общества. Иными словами, добившиеся успеха режимы тоталитарного типа оказывались полностью независимыми от действий своего общества – но не от военной политики иностранных государств.

Вероятно, можно найти много причин, вызвавших в СССР Перестройку в конце прошлого века, но вряд ли большинство из них будут обоснованны, поскольку на протяжении всей мировой истории любое серьезное самоослабление государства неизменно осуществлялось только по одной причине: ради своего спасения – хотя, конечно, адвокаты государственного права это отрицают и продолжают отрицать. Труднооспоримый факт, что не было в СССР общественных сил, способных заставить коммунистическое государство пойти на ослабляющие его реформы, только подтверждают этот тезис.

Ясно, что основные причины могли быть только внешнеполитическими, а среди этих возможных причин была только одна, способная вызвать со стороны всегда консервативной номенклатуры решение провести реформы революционного характера: поражение в “холодной войне”. Эти реформы, как известно, не спасли, а привели СССР и его систему власти к гибели. Мало кто сомневается в том, что крах Перестройки, целью которой было создание конкурентоспособного социалистического рынка, был связан прежде всего с появлением и развитием во многих республиках СССР бюрократического феодализма.

Этот процесс хорошо изучен. Если центр не может заполнить образовавшиеся административные пустоты между собой и периферией – и если на это также не способно общество, – то это делает номенклатура на местах. Сначала для своего обогащения, затем для достижения максимальной автономии или независимости, становящейся необходимой для обеспечения безопасности сановников и их семей, – а также, разумеется, для сохранения и приумножения захваченной собственности.

Национализм, не являющийся на первых порах необходимостью, чаще всего только оформляет действия, но затем он становится частью новой идеологии, поскольку доступен гражданину любого образовательного уровня.

Считать, что революции или создание стран всегда связаны с борьбой за воплощение высоких идей, является весьма распространенным заблуждением. Кроме того, весь процесс от начала Перестройки до гибели СССР, затем от Ельцина до Путина развивался в основном внутри государств – сначала советского, затем российского.

До нынешней поры общество не сумело в России политически организовать себя так, чтобы получить возможность влиять на свою судьбу. Уже очень давно известно, что право граждан вручать свои голоса оппозиции представляет само по себе только одну из многочисленных иллюзий большинства избирателей.

Наконец, вся история человечества свидетельствует, что авторитарная система правления, во всех ее многочисленных проявлениях, является самой распространенной. Ее структуры естественны, просты и тем самым долговечны. А разновидности демократии и тоталитаризма – строения

весьма редкие, так как сложны и громоздки. В Европе – за все века существования на ее территории зафиксированной памяти – тоталитарное государство было построено только один раз: коммунистами в XX веке.

Поэтому сама идея быстрого перехода от тоталитаризма к демократии, от редкого к редкому, далека как от реальных возможностей ее приверженцев, так и от общих исторических закономерностей.

Все же ее следует считать в данном историческом контексте понятной, поскольку возрождение России есть прежде всего возрождение ее культуры, полностью принадлежавшей христианской цивилизации, – а в почти всех остальных странах, принадлежащих этой цивилизации, были созданы или сохранены в XX веке демократические режимы. Это делает, с геополитической и цивилизационной точек зрения, демократию европейского типа в России неизбежной.

К тому же Западу нужны российские потребители, а Китаю российские территории, и это не заинтересованное стремление элит, а естественные результаты кризисов. Кроме того, взаимопонимание между крупными странами, принадлежащими к разным цивилизациям, не может быть глубоким.

Можно добавить, что переход от авторитарного строя к демократии довольно прост, поскольку существование в классических диктатурах заявительной частной собственности всегда создает средний класс, обычно являющийся в городах основным источником перемен. А переход от тоталитаризма к авторитарной системе правления гораздо более сложен, так как связан не только с организационными трудностями в колоссальном деле возрождения частной собственности, но и с преодолением многих других тоталитарных установлений.

Даже очистить государство от авторитарных рудиментов обществу бывает порой очень трудно. Например, во Франции государство в XXI веке еще сохранило там и сям наполеоновские корни.

Поэтому тот факт, что в течение 90-х годов прошлого века средний класс в России начал наращивать костяк – и это несмотря на то, что возрождающаяся частная собственность была по своей сути не заявительной, а разрешительной, – нужно, вероятнее всего, считать выдающимся достижением. Но можно ли считать подавление этого класса после 1998 года временным явлением?

Чтобы попытаться ответить на этот чрезвычайно важный вопрос, необходимо выяснить, кто сегодня в России хозяин.

Ответ «государство» не может считаться удовлетворительным, поскольку государство, в совокупности своих институтов, – лишь громоздкий аппарат управления, а не политическая организация. Только отдельные его институты способны захватить власть, прежде всего армия, так как по чисто профессиональным причинам она чаще других государственных институтов сохраняет в смутные времена внутреннюю связь, способность удерживать дисциплину, разрабатывать планы и их осуществлять. Именно поэтому военные перевороты и военные диктатуры столь многочисленны в истории человечества. Однако в современной России армия явно на вторых ролях.

Многие аналитики, опираясь на общеизвестную информацию, считают сотрудников бывшего КГБ хозяевами современной России. Действительно, они занимают многие ключевые посты, начиная с поста президента страны и заканчивая высшими должностями во многих крупных госпредприятиях. Они также во множестве присутствуют в Государственной Думе. Кроме того, президент Путин как будто не останавливается перед травлей олигархов.

Все это так, однако подобная диктатура бывшего КГБ представляла бы собой уникальный случай в истории.

Во-первых, после создания МБ и затем ФСК основные кадры бывшего КГБ, в том числе и В. В. Путин, разбрелись кто куда в поисках лучшего будущего. Поэтому полагать, что от КГБ сохранялась в течение 90-х годов прошлого столетия некая структура, обладавшая достаточными силами и средствами, чтобы способствовать в 1995 году назначению малоизвестного Путина директором ФСБ, а в 1999 году председателем правительства, было бы несколько наивно. Ведь эта структура должна была быть настолько мощной и состоятельной, чтобы свалить президента Ельцина, обладавшего диктаторскими полномочиями, а затем полностью обеспечить многомиллиардную предвыборную кампанию и избрание – сокрушив все оппозиции – своего выдвиженца президентом страны. Считать, что Ельцин выбрал своего наследника добровольно... – это увело бы нас от реальной политики под прожекторы обычной авторитарной пропаганды.

Кроме того, сама кандидатура подполковника Путина была бы для его бывшего начальства неприемлема, ибо во имя кого и чего продвигать с поста на пост все выше и выше какого-то подполковника, пусть и не лишенного способностей, когда есть куда более заслуженные и не

менее жаждущие власти генералы – как, например, генерал-лейтенант С. Б. Иванов, ставший в 1998 году подчиненным директора ФСБ В. В. Путина, а затем президента России В. В. Путина?

В-третьих, если на протяжении веков даже очень мощный сыск никогда не мог прийти к власти, значит, тому есть серьезные причины. В нашем случае совершенно очевидна следующая: хотя советские органы безопасности, от ЧК до КГБ, были самыми многочисленными во всей истории Европы, они все же были незначительной силой, находившейся между такими гигантами, как гражданская и военная номенклатуры.

Широкий диапазон сыскных, разведовательных, палаческих и многих иных обязанностей во все не означает наличия структур, способных прийти к власти, тем более – ее удержать. Выполняя задание Секретариата ЦК, КГБ начал Перестройку (введением гласности), во время которой многие его сотрудники создали свои кооперативы, как и было запланировано.

Затем КГБ был отменен вместе со всей советской системой правления и безропотно ушел вместе с ней в прошлое. Военная номенклатура также разбогатела во время Перестройки, однако структуры вооруженных сил, сменив некоторые свои названия, не претерпели значительных изменений. В условиях, когда высшая военная номенклатура осталась многочисленной и стабильной, – так же, как и ГРУ, – совершенно непонятно, каким бы образом гебисты в отставке, даже если предположить, что они полностью подчинили себе МБ-ФСК-ФСБ, сумели захватить власть.

В-четвертых, самодержавные правители, добровольно покидавшие власть, во все эпохи были большой редкостью – по вполне понятным причинам. В XX веке судьба Аугусто Пиночета – вполне достаточный и близкий пример того, чего не следует делать людям, наделенным диктаторскими полномочиями.

А в России первый ее президент официально добровольно вышел из власти, после чего созданный им режим резко углубился в авторитарность, а второй президент также собирается уйти из власти, и также официально добровольно, хотя его власть кажется абсолютной и неколебимой.

Два президента, правящих страной, лишенной не только демократических институтов, но сохранившей тоталитарные традиции, добровольно покидают власть. Тут мы во второй раз встречаемся с уникальным явлением в истории. Не много ли?

Предлагаемая версия: президент Ельцин был свергнут российскими олигархами, ныне правящими Россией.

В России ныне около 50 миллиардеров и более 85000 миллионеров – в долларах, разумеется. Солженицын нам не указ, но, видно, не зря он писал еще в 1996 году об «устойчивой и замкнутой олигархии в 150-200 человек». Эта версия кажется наиболее правдоподобной по многим причинам.

Президент Ельцин был для олигархов уже тем опасен, что он от них не зависел. Кроме того, его продемократические и пролиберальные устремления первых двух лет правления угрожали стабильности еще не окрепшей олигархии. Если учесть, что целью российской олигархии, как и любой другой, было и есть стремление к монополиям – промышленной, сельскохозяйственной, банковской, – но прежде всего на разные виды сырья, чем так богата Россия, то вполне закономерно, что многие реформы периода правления Ельцина могли олигархами восприниматься как враждебные.

После неудачной попытки советской законодательной власти уничтожить российскую исполнительную в 1993 году единовластие Ельцина укрепились, а с ним, вероятнее всего, беспокойство олигархии.

То обстоятельство, что рыночные реформы проводились хорошими экономистами, но любителями от политики, допустившими такие невероятные ошибки, как, например, честное – то есть полное – обесценивание сбережений 70 миллионов граждан, побудило президента Ельцина заморозить процесс реформ, от некоторых вообще отказаться и повернуть руль в сторону прямого авторитарного правления.

Одно только наделение органов безопасности правом вести следствие и располагать своими местами заключения (образование ФСБ) буквально выбросило Россию из пределов того правового поля, где для нового государства существовала возможность договориться с высокоразвитыми странами планеты и примкнуть к ним. В 2003 году президент Путин дополнительно усилил ФСБ, влив в него ФСНП, ФАПСИ и Пограничную службу, однако не он, а президент Ельцин создал условия для начала заключительного этапа «холодной войны». Об этом российские демократы, нуждаясь в кумирах, не любят вспоминать.

Постепенное погружение России при Ельцине в авторитаризм было для олигархии полезно, поскольку характер ее частной собственности не нуждается в существовании развитого рынка. Однако политика Ельцина после 1993 года явно диктовалась политической необходимостью, а необходимость в политике – чаще всего временное явление.

А действиями олигархий обычно руководит трудноликвидируемая нужда в существовании монополий. Поэтому усиленный протекционизм, отказ провести реформу рубля, введение идеологической, политической и экономической цензуры, а также создание вертикали власти и другие мероприятия, сразу уведшие Россию в третий мир, были для олигархии не самоцелью, а вынужденными мерами, средством остаться на плаву.

Если быть лаконичным: усиление авторитаризма в России следовало превратить в труднообратимый процесс, а для этого олигархам нужно было заменить революционера чиновником, то есть избавиться от неуправляемого Ельцина, а затем, выбрав из многих кандидатов того, кого они сочтут наиболее подходящим, поднять его до поста президента.

Причем для олигархов при выборе кандидата незначительное звание, невысокая должность и отсутствие особых талантов были скорее преимуществом, нежели недостатком. А для того чтобы не допустить создания постоянных правительственных структур, наделенных мощной клиентурой, олигархия решила оставить законной конституцию Ельцина 1993 года, проявляя, как любая диктатура, принципиальность только в том случае, если ей это выгодно.

Именно поэтому Путин вынужден навсегда покинуть высший пост в государстве; его наследнику тоже придется это сделать. Заявления об уважении президента России к конституции столь же правдоподобны, как утверждения, что коммунистическая номенклатура начала Перестройку, руководствуясь желанием дать свободу советскому народу.

Чрезвычайно важно, что для проведения столь крупной операции российским олигархам не нужно было создавать тайные организации: им достаточно было устно договориться между собой, назначить исполнителей и собрать нужную сумму. Кроме того, только олигархи могли – как третья сила, к тому же самая состоятельная, – добиться от высшего офицерского состава армии, а также от ФСБ сначала нейтралитета в ходе операции по устранению Ельцина, затем мирного сосуществования ВС и ФСБ.

Следует отдавать себе полный отчет: если в СССР до начала его развала КГБ контролировал вооруженные силы, а КГБ контролировал Секретариат ЦК – по схеме, внедренной Сталиным, то еще до 1991 года эта «матрешка» перестала функционировать. Высший офицерский состав ВС СССР, а затем РФ сыграл решающую в развитии событий роль своим бездействием в 1991-м и осторожной активностью в октябре 1993-го.

Два обстоятельства подчеркивают особое положение Вооружённых сил РФ: офицеры ВС официально не участвуют в политической жизни; российская власть провела реформы во всех институтах государства, кроме военного, хотя ВС не менее, а, возможно, более иных нуждались (и нуждаются) в проведении капитального ремонта, поскольку с начала 80-х годов перестали быть оборонноспособными – разве что по отношению к КНР.

О том, что эти два фактора связаны, догадаться легко.

Выбор в качестве основных действующих лиц на государственно-политической арене бывших сотрудников КГБ логичен потому, что они, в силу профессиональной специфики, были наиболее подходящими для этой роли – и вместе с тем не представляли и не представляют серьезной опасности, пока армейское начальство будет охранять олигархию и тем самым собственные интересы. Как всегда, это «пока» проблематично, так как союз между олигархами и военной кастой редко бывает долговечным.

Разумеется, ФСБ была дополнительно усилена в 2003 году, чтобы всегда возможная подготовка военного переворота не казалась легкой, хотя, конечно, выдержать удар армейских профессионалов даже крайне усиленная ФСБ не может: речь шла не об установлении равновесия сил – только о возможности для олигархии выиграть в случае чего время для переговоров. Армия часто бывает немой, но только до углубления кризисов, в особенности в странах с авторитарной системой правления.

Неправедный суд над олигархом Ходорковским и бегство трех-четырёх других не противоречат олигархической версии, если допустить, что их коллеги, а не Путин, решили с ними расправиться. Причина тому могла быть только одна: олигархия стремилась, укрепляя авторитаризм государства под своим контролем, усилить его финансово.

В среде российских олигархов, полностью состоящей из нуворишей, обычный антисемитизм не может быть быстро вытеснен сословной солидарностью. А так как многие предприятия нефтега-

зовой отрасли оказались в руках российских олигархов-евреев, то есть «чужих», то выход из положения мог показаться простым: выкупить у них по низкой цене предприятия и передать их государству.

Олигархи, отказавшиеся, как Березовский и Гусинский, подчиниться, были вынуждены эмигрировать. Ходорковский, отказавшийся продавать, эмигрировать и оказавший сопротивление, был посажен. А Абрамович, проявивший полное благоразумие, – вознагражден.

Только слияние «Газпрома», «Роснефти», «Юганскнефтегаза» и «Сибнефти» обеспечило государству ведущую роль в нефтегазовой отрасли, следовательно, огромные доходы. К этим предприятиям нужно добавить «Сургутнефтегаз», «Зарубежнефть» и «РуссНефть» миллиардера М. Гучериева, уже также опального. Несмотря на это государственная собственность в 2007 году в нефтегазовой отрасли составила только приблизительно 40% ее общенационального объема. Если решение о регосударствлении зависело бы от воли чиновников, а не олигархов, то трудно сомневаться, что жадность государства была бы если не тотальной, то куда более масштабной.

Конечно, в результате бюрократического правления государственную часть российской нефтегазовой отрасли ждет в ближайшие годы очередное резкое падение доходов – даже в том случае, если цены на нефть и газ останутся высокими. Этого олигархи не могли не понимать, так как, оказавшись в частных руках, добыча нефти в России за пять лет увеличилась на 50%, но, вероятнее всего, цель оправдывала в глазах олигархии будущие финансовые потери государства.

Таким образом, русские олигархи накормили государство за чужой счет, дали чиновникам и сановникам негласное право безопасно расширять пределы обычной коррупции (административная рента), а также, поручив президенту страны создать стабилизационный фонд и стабилизационную вертикаль власти, обезопасили себя от необходимости в будущем часто вмешиваться в управление государством и регулярно вытаскивать из своих карманов миллиарды долларов для спасения режима, устроенного, по их же воле, весьма примитивно.

Политические аппетиты тех или иных олигархов-евреев, в особенности смелого Ходорковского, могут быть приняты в расчет, но нужно выяснить, не были ли они реакцией на решение коллег их ограбить. В сущности, в очень молодой стране России произошла вещь, в прошлом постоянно имевшая место в течение веков во всей Европе: когда элитам были нужны крупные средства, они их забирали у евреев.

Если олигархическая версия соответствует в общих чертах действительности, это означает, что в ходе своего возрождения Россия пока прошла мимо возможных худших вариантов развития событий: полного слияния государственного и частного секторов не произошло, так как олигарх всегда принадлежит прежде всего обществу, а не государству, – даже в том случае, если он является по совместительству сановником: тогда он пользуется государством, а не государство использует его.

Поэтому можно считать, что следующий виток роста и укрепления средних сословий в России все еще возможен – следовательно, для страны существует и реальная возможность вернуться к процессу европейской интеграции.

В случае, если в России в скором будущем произойдет удачный военный переворот, он серьезно замедлит этот процесс, поскольку российский профессиональный военный есть государственный служащий, привыкший к преимущественно распределительной системе: к складу и к бесплатному труду солдат.

А пока ясно: президентские выборы 2008 года ничего в России изменить не могут – они заменят одного полезного олигархии президента другим, на него похожим. А В. В. Путин получит заслуженное вознаграждение: он официально примкнет к русскому клубу миллиардеров. Согласие Путина в декабре 2007 года стать после президентских выборов главой правительства вполне вписывается в эту схему: необходимо получить на президентских выборах дополнительные «путинские» проценты, а заодно успокоить номенклатуру до, во время и после проведения новым президентом небольшой чистки. Затем Путин покинет свой новый пост.